

ГЛАВА 1

Девочка в небе

Летать на «Боинге» приятно. Занятно. Тревожно. Интересно. Как ещё? А ещё — чудесно. Да! Наверное, это самое точное слово. Ведь ты находишься там, где совершается чудо.

«Боинг—767» огромный как дом, грузовой начинки в нём больше его собственного веса — но летит! Летит, чудесный. И чем больше воздушное судно, тем труднее обычному человеку представить, что такое возможно. Чего только люди, казалось бы, за последнее время не видели, а полёт самолёта всё равно завораживает. Может лететь

камень, брошенный чьей-то рукой, может снаряд, который сжатая огненно-пороховая сила вытолкнула из оружейного ствола. Но ведь всё это летит не само по себе. Когда же по небу мчится, как какой-нибудь воробей, огромная машина, то душа замирает в восхищении. Разве что совсем прагматик останется равнодушным. Большинство же будет трепетать, пусть даже тщательно скрывая свои чувства.

Ульяна сидела в среднем ряду с краю. Впереди, позади, справа и слева было множество людей. Самолёт был полон вещей, еды, воды, электроники, где-то внутри располагались топливо и багаж. По проходам деловито бродили бортпроводники, пару раз мелькнули дяденьки в форме пилотов. Скоро полёт начнётся. До того момента, как самолёт оторвётся от шереметьевской взлётной полосы, остались считанные минуты. И через десять часов «Боинг» будут ждать в аэропорту имени Джона Кеннеди города Нью-Йорка.

МОЁ
ИНДЕЙСКОЕ
ВРЕМЯ

Десять часов — это больше, чем рабочий день, это как два раза сходить в школу на шесть уроков. Полдороги на поезде от Москвы до Урала, треть до Крыма...

Многие жалуются, что в самолёте скучно: спать не хочется, а заняться особо нечем. Иногда даже облаков в иллюминатор не видно (особенно если сидишь возле крыла и летишь ночью на высоте десять километров над землёй). Еда невкусная, кино крутят плохое. Все книги давно прочитаны, музыка прослушана, на телефон смотреть даже не хочется. Рядом незнакомые люди. Да ещё уши закладывает. И накатывают клаустрофобия с аэрофобией. А даже если и не накаывают — всё равно скучно... Остаётся только одно — мучиться и терпеть, терпеть и мучиться.

Ульяна Кадникова ни на что подобное не жаловалась. За свои пятнадцать лет — особенно за вторую их половину — она налетала много тысяч миль. Но всё равно каждый раз полёт был

МОЁ
ИНДЕЙСКОЕ
ВРЕМЯ

для неё праздником. Ульяна садилась в кресло — и начинала наблюдать. Да, именно так. Наблюдать. Как салон самолёта наполняется людьми, как бортпроводники успокаивают суесящихся пассажиров и проводят шоу по технике безопасности. Она всегда внимала тому, что говорят в динамиках перед взлётом, слушала, как лайнер заводит моторы, отслеживала, как он разворачивается, форсирует скорость, отрывается от земли... И как он летит. Ульяна вслушивалась в работу двигателей, ей казалось, что она чувствует сопротивление воздуха, порывы ветра, ощущает, как оседает облачная влага на обшивке, как её схватывает мороз... Время от времени мониторы в салоне показывали карту — и было видно, где в данный момент летит самолёт, какая температура за бортом, а какая там, куда он направляется, сколько осталось до конечного пункта и который там час. Ещё Ульяна прислушивалась к разговорам бортпроводников (вдруг они получили сигнал о неполадках или возможном крушении?!); бро-

дила по проходам, каждый раз удивляясь своей неуверенной походке, хотя на борту, как и на палубе трансокеанского лайнера, качки не чувствуется.

Ульяна не боялась попасть в авиакатастрофу. Она знала, что даже в самой критической ситуации они с папой обязательно что-нибудь придумают, чтобы спасти свои жизни, не теряя человеческого достоинства. Или чтобы спокойно встретить неизбежную смерть. В знаменитом фильме «Титаник» так поступили одни старички — не стали бегать по коридорам и палубам в попытках спастись, а тихонько улеглись в своей каюте и начали ждать... Понятно, что не чудесного спасения, — смерти. Ульяна их очень уважала. Она давно для себя решила, что в случае катастрофы поступит точно так же, и заставила папу пообещать, что он к ней присоединится.

Папа пообещал.

Это было лет шесть назад.

И с тех пор Ульяна летала с удовольствием.

***

Они с папой были совсем одни на свете. Много лет назад Ульянина мама ушла из семьи, а потом и из жизни. Вернее, семью она оставила точно. А вот покинула ли она этот мир — установить так и не удалось. Произошло это где-то на пляжах Гоа. Заплыла однажды в океан — и не выплыла оттуда. На её поиски отправился катер со спасателями, несколько гидроциклов, вертолёт долго кружил над побережьем. Но её не нашли ни живой, ни мёртвой. Рассказывали, что спустя годы то в одном, то в другом поселении беззаботных курортников видели похожую на неё женщину. Она была весела и красива, пребывала в уме и здравии и вызывала уважение окружающих. Однако на родине мать девочки по-прежнему считали пропавшей без вести. Папин юрист собрал целую подшивку документов, где чего только не было: и судебное решение о признании Марьяны Кадниковой безвестно отсутствующей, и результаты

МОЁ
ИНДИЙСКОЕ
ВРЕМЯ

поисков на предполагаемом месте гибели, и показания свидетелей, которые видели её последними. Даже свидетельство о расторжении брака папе выдали. «Если она там где-то замуж вышла, так пусть это будет на сто процентов законно», — так решил папа. И ещё раз пожелал своей свободолюбивой Марьяне счастья. В смерть её Иннокентий не верил. И с чистой совестью везде сообщал, что он в разводе, а не вдовец, потому что свидетельства о смерти супруги у него по понятным причинам не было.

Папа знал мамин характер: если ей что-то надоедало, то уже навсегда, если она переставала кого-то любить, то любовь её было не вернуть, если что-то задумывала — то осуществляла... Знал, а потому не верил, что она когда-нибудь вернётся. Он сумел объяснить Ульяне, что она стала девочкой без мамы и с этим надо смириться.

Ульяна часто думала о маме, которую даже не помнила, и от всего сердца желала ей счастья и удачи. Девочке

казалось, что счастье и удача — это самое важное.

А ещё Ульяна понимала: не всё в жизни бывает так, как ты хочешь. Иногда хоть расшибись в лепёшку, а всё равно ничего не изменишь. Значит, лучше не расшибаться, а отступить. Может, Ульяна была серьезнее, чем её ровесники, но в чём-то, наоборот, оставалась ребёнком — была совершенно беззаботной, беспечной и эгоистичной. В их с папой маленьком мире на двоих это оказалось нетрудно. Их жизнь была закрытой, и девочка с ранних лет научилась никого в неё не пускать. Не пускать, не позволять вмешиваться в их дела, комментировать, оценивать, давать советы, что-то предлагать, что-то просить. «Со всеми проблемами мы справимся сами...»

Сами.

У них не было родственников, разве что бабушка, которая несколько лет назад с небольшими вариациями повторила судьбу невестки: вышла на пенсию, потом на тропу войны за здо-

ровье и молодость, а потом замуж — после чего продала квартиру, уехала в деревню к супругу и открыла магазин хозяйственных товаров. Её единственный сын и внучка жили теперь сами по себе. Все их вещи умещались в два чемодана, с которыми удобно было перемещаться по миру. Ни к чему не привязываться, ничего не копить — под таким девизом жили Ульяна и её папа. В любой момент они могли сорваться с места и умчаться на край света. Что они охотно и делали.

Они объехали полмира, но каждый раз их манили неизведанные страны — на их освоение папа и дочка планировали потратить всю оставшуюся жизнь. Ведь жизни этой впереди было ещё очень-очень много!

А сейчас молодой и красивый Ульянкин папанец летел жениться. Его свадьба с Ребеккой Тыквер, женщиной прогрессивной, отчаянно кудрявой и в высшей степени порядочной, должна была состояться через четыре недели.

МОЁ
ИНДЕЙСКОЕ
ВЕТО

Рождение совместного ребёнка Ребекки и Иннокентия — через шесть месяцев. Когда новая папина жена сможет удочерить Ульянку, зависело от решения департамента по делам детей боро Бруклин города Нью-Йорка.

Но это когда ещё случится — а пока полусиротка Ульяна с восхищением и предвкушением счастья уставилась на пышущую здоровьем мулатку-бортпроводницу, которая демонстрировала пассажирам авиалайнера принцип работы кислородной маски.

Да, скоро Ульянкина жизнь радикально изменится, скоро всё будет так, как никогда не было, а вот так, как было, точно уже никогда не будет. Ну а сейчас — сейчас есть огромный «Боинг»-дом. И он полетел! Разогнался, задрожал, завибрировал, заревел, оторвался от асфальта, спрятал шасси — и наконец рванул в небо!

Папин и Ульянкин мир постепенно становился шире — ещё несколько часов, и его неотъемлемой частью станут Ребекка с её семейством. А ещё через

полгода появится малыш. Что-то будет... Хорошо это или плохо — Ульяна пока не могла решить. Загадывать на будущее девочка не любила, не умела и не пыталась научиться. Ей нравилась Ребекка — такая непохожая на них с папой, её хотелось схватить в охапку и не отпускать от себя, наблюдать за ней, холить и лелеять. Ребекка была очень интересной. А раз её полюбил папа — значит, она вообще явление из ряда вон выходящее. Так что бороться с кудряшкой Бекки за папину любовь и внимание Ульяне даже в голову не приходило.

Загремели по проходу тележки с напитками, папа и Ульяна выдули кофе с молоком, сжевали по пакетику снеков.

Папа вытащил ноутбук и погрузился в работу.

Ульяну ждала в телефоне игра. Но девочка не торопилась её включать. Откинувшись в кресле и закрыв глаза, она попыталась осознать то, что за все

